

Время перемен

Людоеды

ИННА ТРОНИНА

Инна Тронина

Людоеды

Серия «Время перемен», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21232434
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Перед началом нового, 1992 года, в Петербурге были зафиксированы случаи продажи с рук и на рынках человеческого мяса. Расследование поручили сотрудникам оперативно-розыскного бюро – Турчину, Озирскому, Грачёву и другим. Уцепившись за несколько нитей, взяв в разработку продавцов, оперативники вышли на банду каннибалов. Те не только употребляли в пищу мясо своих врагов или просто случайных людей, но и сбывали его, пользуясь сложной ситуацией в стране. Горожанам не хватало самого необходимого, и торговля практически не контролировалась. Для того, чтобы наверняка взять банду, туда решили внедрить девушку-агента. Главарь, кроме человечины, был падок на молодых блондинок...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	36
ГЛАВА 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Инна Тренина

ЛЮДОЕДЫ

ГЛАВА 1

К телефону первой подбежала Алла – она как раз соскочила со стремянки, где стояла уже несколько минут, устранивая на верхушке ёлки серебристую пику с малиновой вмятиной на боку. Ёлка была живая – пушистая, пахнущая смолой, ещё влажная от растаявшего на ветвях снега. Визжащий от восторга Валька скакал около ступенек, рискуя выронить перламутровый, в снежинках, шар, который только что достал из коробки. Теперь мальчишка пытался нацепить шар на ветку, но никак не мог и потому сердился.

Сам Турчин был в кладовке, где, присев на корточки, раскладывал по ящикам использованный инструмент. Алла укутала малиновым бархатом цинковое ведро, в котором стояла зажатая крестовиной ёлка. Она отошла, чтобы издали посмотреть, не криво ли насажена макушечка, и в это время раздался звонок. Кроме Турчиных, в квартире старого дома на Владимирском проспекте жили ещё две семьи, и у каждой был свой телефонный номер. Стало быть, разыскивали или Аллу, или, что, скорее всего, главу семьи. Приятели чётрёхлетнего сына ещё не наловчились висеть на телефоне.

У Аллы моментально испортилось настроение – волшебный предновогодний вечер был испорчен. Споткнувшись о коробку с Валькиными хлопушками, она дотянулась до вишневого блестящего аппарата.

– Саша, гирлянду распутай! – крикнула она в сторону кладовки. Потом сказала в микрофон: – Алло! Добрый вечер... Спасибо, и вас также! Это Всеволод? Понятно, что вам Саша нужен. Я-то на него давно никаких прав не имею. Сейчас позову, одну минуту. С сыном всё в порядке, тьфу-тьфу! – Алла суеверно постучала по резной спинке кресла. А у вас? Тоже нормально? Очень рада. Лиле привет и мальчикам. Понятно, что срочно. – Алла грустно усмехнулась. – Можете мне не объяснять. Я семь лет с мужем прожила, и в вашей работе чуточку разбираюсь. Никаким обещаниям уже не верю. Сейчас передам трубку...

Турчин уже стоял рядом, кусая губы от досады. Он так горячо молил судьбу не посылать проблем хоть сегодня, тридцать первого декабря такого тяжёлого, страшного, сумасшедшего года! И всё-таки год успел нагадить напоследок ещё раз. Всеволод никогда не беспокоил по пустякам – значит, дело терпит отлагательств.

– Валька! Ненормальный! Ты весь «дождик» перепутал... – взвизгнула Алла, бросаясь к сыну.

Тот с гиканьем носился по огромной комнате под ярко горящей люстрой, в облаке блестящих разноцветных нитей. Они летели за мальчиком, вспыхивая и трепеща. Турчин от-

вернулся к стене и присел на журнальный столик, так как кресло было занято коробками из-под ёлочных игрушек.

– Привет! – голос Грачёва был совсем не праздничным. – Поздравляю тебя с наступающим, желаю всего самого хорошего. Очень надеюсь, что эти пожелания сбудутся. Сегодня я особенно этого жажду...

– Поздравляю тебя также, и всех твоих родных тоже, – ответил Турчин. – Ты откуда звонишь? Из Купчино?

– Ты что, издеваешься? – сразу же разозлился Всеволод. – Я оттуда в шесть утра выехал, и теперь не знаю, где придётся Новый год встречать. А встретить его очень хочу – может, будет лучше, чем этот. Меня Петренко попросил тебе позвонить и срочно вызвать на Литейный. Я говорю из его кабинета, а сам товарищ подполковник у начальства. Какое-то ненормальное дельце наклёвывается – даже по нынешним временам. Жуть, если честно.

– А что произошло-то конкретно? – не на шутку забеспокоился Турчин.

Алла печально и вместе с тем понимающе смотрела на него тёмно-карими, приподнятыми к вискам глазами. Притихший Валька пыхтел на полу, освобождая ноги от «дождика».

– Приедешь, узнаешь. В пять часов будь у начальства. Надо ещё собрать... Я даже не знаю, как их и назвать-то, свидетелями или потерпевшими. Короче, тех людей, которые оказались в одинаковом, очень паршивом положении.

– Ты меня заинтриговал.

Турчин знаками показал Алле, чтобы она достала из шкафа твидовый костюм, приготовленный для сегодняшней праздничной ночи.

– Из райотделов направили потерпевших или как? – Турчин пытался уловить суть дела. – Сколько всего народу?

– Да, из районов прислали к нам. Их пока трое. Одна с проспекта Ударников, другая – с Крестовского острова. Ещё один мужик – из Петродворца. Все они в пять соберутся у Петренко. Шеф решил лично делом заняться.

– Хорошо, буду. – И Турчин положил трубку.

Алла легонько провела маленькой рукой по его волосам, и свет люстры скользнул по изумрудному шёлку её халата. Валька сопел, надевая на нижнюю ветку ёлки уже третий шар. К удивлению, сын справлялся хорошо – игрушки показывались, но не падали.

– Тебе надо ехать? – Алла вздохнула. – Надолго?

– Понятия не имею. Грачёв говорит, что дело очень серьёзное и достаточно необычное. В подробности обещал посвятить на месте.

Валька хлопнул ресничками таких же кофейных, как у отца, глаз:

– Ты чего, уходишь?

Мальчишка всё понял, и рот его обиженно скривился.

– Сынок, надо, понимаешь? Меня на службу вызывают. Но к ночи я вернусь, и мы обязательно встретим Новый год.

– Да он заснёт! – Алла в это время рылась в шкафу. – Не обещай.

– А вот и не засну! Хочешь, поспорим?! – Валька стал вытаскивать из коробки гирлянду. – Папка, надень лампочки!

– Некогда, сынок. Уже без двадцати пять. Ничего, можно и со свечами встретить – так даже интереснее.

– Точно! – обрадовалась Алла и присела перед Валькой на корточки. – Знаешь, как здорово будет? Настоящее рождение! А ты не ной, не расстраивай папу. Ему и так нелегко в праздники работать, так что мы с тобой не должны действовать ему на нервы. Как чувствовала – разноцветные витые свечки вчера на улице купила!

Турчин, уже завязав галстук, водил по щекам электробритвой. Он радовался, что не успел влезть под душ – там как раз мылся сосед. Валька, уже утешившись, возился с гирляндой и запутывал провода в безнадёжный ком.

Алла подала мужу пиджак и попросила:

– Я тебя умоляю – вернись всё-таки домой. Ведь и прошлый Новый год мы встречали врозь. Сколько можно?...

– Тогда-то, положим, у меня была заграникомандировка, – усмехнулся Турчин. – Помнишь нашу сладкую жизнь в Москве?

– Помню. Действительно, сладкая была жизнь. – Алла, сверкнув перстнем с рубином, заправила за ухо чёрную прядь волос. – Не вышло из тебя ни дипломата, ни шпиона. Может быть, выйдет опер. Иди, супруг, служи. Только на-

помни Грачёву, что у тебя есть семья.

– У него тоже теперь семья есть.

Турчин обулся в тёплые сапоги и встал с пуфика. Надел лисью ушанку, замотал шею шарфом и снял с плечиков дублёрку.

– Но для Всеволода это – не аргумент. Когда Радмила Сильвестровна приедет, особенно не распространяйся насчёт меня. Скажи, что вызвали ненадолго, а к двенадцати я точно вернусь. Ну, пока!

Турчин поцеловал Аллу и подкинул Вальку к потолку – вместе с «дождиком» и проводами.

– Боже, без десяти пять, а у меня конь не валялся! – всплеснула руками Алла и ринулась на кухню. Где гремели посудой ещё две соседки. Понурый Валька вернулся к ёлке.

* * *

На улице не чувствовалось новогоднего веселья – только было много пьяных злых мужиков. Между крышами старых домов светилось розовато-жёлтое небо, и вдали вертикально вверх поднимались сиреневые дымы. Зима выдалась почти бесснежной, и люди волновались – а будет ли похожа на сказку хотя бы новогодняя ночь?

Прогноз всех успокоил и не ошибся. Грязноватый снег привычно заскрипел под ногами, а подошвы заскользили по не сколотому льду. Турчину то и дело приходилось спус-

каться на проезжую часть, обходя сумасшедшие по размерам и настроению очереди за молоком и хлебом. Закутанные в платки бабуси, расставив раскладные стулья, сидели у дверей магазинов. Остальные топтались рядом и оглушительно скандалили.

Александр, замедлив шаг, понял, что товара в магазине как не было, так и нет. А народ дежурит «на всякий пожарный». Новый год, а дома у всех хоть шаром покати, да и цены со второго января взлетят. Турчин усмехнулся и подумал, что, на их месте, он бы не стал тут зря мучиться. Ёлки тоже несли маленькие и хилые, пришедшиеся по карману. Ни один человек не улыбался. Прожив на свете тридцать два года, Турчин уже имел возможность сравнивать. Никогда, никогда не был таким отчаянно хмурым последний день года...

Войдя в кабинет Петренко, Александр крепко пожал руку сначала Геннадию Ивановичу, сидевшему за столом, а потом – Всеволоду Грачёву. Последний, расстегнув пиджак, развалился в кожаном кресле. Из-за выреза его джемпера цвета голубинового крыла высывался вычурный узел галстука с булавкой «павлиний глаз».

– Оба вы нарядные! – Петренко, перестав копаться в бумагах, сдвинул очки на лоб. – А я вот подкачал. Выходной костюм никак их чистки не забрать – ни мне, ни жене. Да, в общем-то, мне уже и не по возрасту щеголять.

– Сорок два года – не возраст, – возразил Турчин. Он сел в другое кресло, напротив Грачёва. – Что случилось-то, Ген-

надий Иванович?

– Сейчас потерпевшие нам сами всё расскажут, – загадочно сказал подполковник, переглядываясь с Грачёвым. – Александр Никитич, тебе придётся заняться этой проблемой. Разумеется, вместе с Всеволодом Михалычем. Наверное, и Андрей Озирский подключится, если найдёт «окошко». Насчёт него никогда нельзя решать заранее, но рассказать стоит.

– Хотя я и не знаю пока сути дела, но уже отвечаю «есть!».

Турчин тоже расстегнул пиджак. В кабинете было жарко из-за раскалённого электрокамина. Вечно мёрзнувший Петренко доводил температуру в помещении почти до уровня бани.

– Так я приглашаю гражданку Муравьёву? – спросил Всеволод, стремительно вскакивая на ноги.

– Конечно! Она уже устала ждать, наверное, – сочувственно сказал Петренко и пояснил Турчину: – Женщину направили из Красногвардейского района. Там даже сразу и не сообразили, куда нужно обращаться. Сначала известили уголовный розыск. А потом уже наверху решили, что нужно подключиться нам.

Грачёв вернулся, поддерживая под локоть женщину лет сорока пяти, в колонковой жакетке и шапке из чернобурки. Турчин без труда определил, что потерпевшая близка к истерике или еле сдерживает слёзы. Не в меру раскрашенные веки дрожали, и под жёсткими от краски ресницами были

видны белки. Малиновые, яркие губы большого рта тоже шевелились, тряслись, будто бы дама беззвучно разговаривала сама с собой.

– Садитесь, пожалуйста! – Ничего не понимающий Турчин придвинул ей стул, налил в стакан воды. – Постарайтесь взять себя в руки. На вас лица нет...

– Вас зовут Новелла Ростиславовна? – мягко, участливо спросил Петренко, мельком заглянув в бумаги.

Муравьёва подобрала под стул ноги в белых сапогах на толстых, словно слепленных из воска подошвах. Она несколько раз кивнула, пытаясь проглотить холодную кипячёную воду. Несмотря на меха, Новелла Ростиславовна тряслась, как в лихорадке, и даже не расстегнула жакет.

– Подполковник Петренко, майор Грачёв, капитан Турчин, – сказал Геннадий Иванович. – Мы представляем отдел борьбы с организованной преступностью.

– Да-да, я знаю! Мне говорили в милиции, – давясь от слёз, подтвердила Муравьёва.

– Постарайтесь успокоиться и рассказать, что с вами случилось, – журчащим голосом попросил Петренко. – Ничего не бойтесь и не стыдитесь. Новелла Ростиславовна, почему вы так расстроены?

Муравьёва наконец-то расстегнула жакет, и по кабинету поплыл запах приторно-сладких духов.

– Я... Я, понимаете... Как бы это сказать? Короче, людоедкой стала!

И Муравьёва разрыдалась. Слёзы фонтанчиками брызнули из её глаз и тёплыми каплями покатались по щекам.

Петренко и Грачёв, видимо, уже про это знали, но Турчин аж подскочил в кресле. Сердце заколотилось, и противный болезненный жар разлился по телу. Ничего себе, дельце! Дама, конечно, уже не молодая, но с претензиями, модно и дорого одетая. Сразу видно, что с высшим образованием – и привет! Как это её угораздило, интересно?

Муравьёва сжимала в пальцах мокрый, испачканный в губной помаде платочек. Жемчужина в её кольце тоже походила на упавшую слезу.

– Это всё свекровь, понимаете? Отвратительно видит, очки у неё на минус пятнадцать...

– Как зовут свекровь? – вставил вопрос Всеволод.

– Зинаида Фоминична Муравьёва.

– Сколько ей лет? – продолжал Грачёв.

– Семьдесят один. Без царя в голове бабуля, но мнения о себе очень высокого. Как, впрочем, почти все старики.

– Из кого ещё состоит ваша семья? – Турчин уже овладел собой.

– Муж и два сына. Одному девятнадцать лет, другому – шестнадцать.

– Они тоже ели? – дрогнувшим голосом спросил Александр.

– Все ели! – снова расплакалась Муравьёва.

Она протянула Турчину свой стакан, жестом попросила

налить водички.

– Свекровь купила на рынке свинину... Так она сказала нам. Очень хвасталась, что нашла мясо на дешёвке. Я позавчера с работы пришла, а она такая довольная... Это с ней редко бывает, обычно она всегда ворчит. А тут – сияет, будто медный самовар. Свет, говорит, не без добрых людей...

– Новелла Ростиславовна сделала такой большой глоток, что, поперхнувшись, закашлялась.

– Мои мальчишки жрать хотят, как барбосы, да и муж тоже. Нас со свекровью совсем достали, два месяца кланчили мясо. Мы талоны свои им отдавали. Сами клевали, как птички. Всё мало! Им-то наши нормы максимум на два дня, не больше. А тут ещё Новый год скоро, холодильник пустой. Что купишь, они в момент проглотят. Я ещё в воскресенье ревела, что с голым столом придётся праздник встречать. Прихожу, а бабка ко мне кидается. Говорит, что на рынке утречком два кило свинины взяла. По пятьдесят рублей, представляете? Я чуть не упала – ведь на рынке по восемьдесят-сто, не меньше. Я сколько раз хотела там прикупить!

Муравьёва замолчала, собираясь с силами. Петренко с Турчиным слушали её внимательно, а Грачёв ёрзал – его раздражали частые остановки.

– Старушка моя прямо вся растрогалась, прослезилась. Говорит, продавец на чём свет стоит крыл спекулей, у которых ни грамма совести. А вот он, честный крестьянин, не может на народной нужде наживаться. Понимает, что лю-

дям надо и Новый год встретить, и Рождество справить. Све-
кровь и отхватила у него два килограмма. Говорит, свежая
свининка, парная, и кожица такая нежная...

Новелла Ростиславовна прикусила костяшку указательно-
го пальца, чтобы сдержаться.

– Тут и мужики мои явились. Загалдели, стали мне в при-
мер бабулю ставить, как она о них заботится. Ну, и наверну-
ли потом рагу на косточке, не дождавшись праздника! – Му-
равьёва промокнула глаза. – Они проглотили, не разжевав. А
я ем и сомневаюсь. Честное слово, сразу почувствовала, что
это – не свинина. Та розовая должна быть, а эта красная ка-
кая-то. Кроме того, привкус сладковатый, да и вообще... Ме-
ня прямо затошнило. Вроде, мясо не тухлое, но что-то явно
не то. Я потом пришла на кухню и говорю: «Зинаида Фоми-
нична, а это точно свинина?» Она, конечно, сразу в бутылку
полезла. Начала упрекать неблагодарную невестку. Дескать,
сама не сумела мужчин накормить, и её заслуги принижая.
Я всё-таки спросила у неё, где кости. Оказалось, что в моро-
зилке. Бабка бульон назавтра хотела сварить. Сейчас же из
каждой косточки выжимаешь как можно больше. Я полезла
в холодильник, вынула кости... Боже мой, вы не представ-
ляете! Там одно ребро было скреплено металлической пла-
стинкой! Я – не врач, инженер-программист, но смогла со-
образить, что свиньям на сломанные рёбра пластинки не ста-
вят. Свалила кости в мешок, а сама реву, хоть и не до конца
верю в то, что произошло. За полчаса вся наша семья пре-

вратилась в каннибалов! А свекровь и слышать не хочет про пластинку и про подозрительно низкую цену. Потом меня вырвало, и никак не остановиться было. Муж с сыновьями прибежали, а я не могу и слова выговорить. Прополоскала рот, схватила мешок и побежала в отделение милиции. Там сначала не поверили, но я предъявила кости. Их забрали на экспертизу, а меня начали допрашивать. Сначала милиционер со мной разговаривал. Потом – следователь. Я даже лиц их не запомнила, всё время бегала в туалет. Уже в желудке давно ничего не осталось, а меня всё качает. Потом эксперт подтвердил, что это человеческие кости. Даже определили, что мужские.

Муравьёва дёрнула горлом, и Турчин испугался, что её опять вырвет. Петренко встал, подошёл к Новелле Ростиславовне и наклонился над ней.

– Я видел акт экспертизы. Успокаивать вас, конечно, глупо. Случись такое с любым из нас, прореагировали бы так же. Вы живёте на проспекте Ударников?

– Да. – Муравьёва говорила почти шёпотом.

– Сейчас вы поедете домой вместе с нашим сотрудником, и он побеседует с Зинаидой Фоминичной. Она должна дать описание внешности того продавца, указать на рынке место, где он стоял.

– Я же говорю – она слепая почти, – напомнила Муравьёва.

– Ничего. Место уж, наверное, припомнит.

Петренко повернулся к Турчину с Грачёвым, что-то про себя решая.

– Поскольку у нас на очереди ещё двое потерпевших, вы оба ехать не можете. Кого предложишь, Михалыч?

– Да пусть Минц прокатится! Он со старухами умеет обращаться. А я боюсь душу из неё вытрясти, если начнёт заедаться.

– Заедается она постоянно, – согласилась Новелла Ростиславовна. – Надо быть святым, чтобы с ней разговаривать.

Петренко снял трубку и набрал местный номер.

– Александр Львович? Ты пока свободен? Отлично. Сейчас Всеволод приведёт к тебе гражданку Муравьёву и объяснит, что нужно делать. Проедешь с ней на квартиру и снимешь допрос со свекрови. Ехать нужно на Охту. Порядок? Я на тебя очень надеюсь. – И подполковник придавил ладонью рычаги. – Так что всего доброго вам, Новелла Ростиславовна. Ваш домашний телефон у меня имеется. Если что-то потребуется, перезвоню. Подпишите каждую страницу протокола. Обязательно пометьте «С моих слов записано верно». Благодарю вас. С наступающим!

– И вас также! – растерянно пробормотала Муравьёва. Похоже, она ждала чего-то более интересного.

– Пойдёмте.

Грачёв был уже у дверей. Он никак не мог дождаться, пока Новелла Ростиславовна дрожащими пальцами застегнёт жакет.

– Перекури пока, – разрешил Петренко Турчину. – А Всеволод в коридоре своё перехватит...

* * *

Турчин ещё не успел потушить сигарету, как вернулся Всеволод, тоже с тлеющим «бычком» меду пальцами. За ним вошёл плотный мужчина с круглым, румяным от мороза лицом. Он прямо у двери расстегнул пальто с каракулевым воротником и снял чёрную пыжиковую шапку. Седые редкие волосы он расчёской прилизал к явственно проступающей лысине.

– Геннадий Иванович, я Муравьёву отправил с Минцем на «Волге», – доложил Грачёв начальнику.

– И кто их повёз? – Петренко ободряюще улыбнулся новому потерпевшему.

– Сашка сам сел за руль. У Гунченкова жена в больницу попала, а он сопровождал. Из него сейчас работник никакой. Врежется ещё...

– На Новый год в больницу угодить – плохая примета, – заметил Петренко. – Вы устраивайтесь поудобнее, гражданин Курнаков. Я так понял, что вы не успели откусать этого мяса...

– Не сподобился, слава Богу! Сын уберёт.

Дядька завозился на стуле, вытягивая вперёд ноги в зимних сапогах, на которых дотаивал последний снежок.

– Мы кости эти псу нашему купили, Джиму. Кобель немецкой овчарки по дому холодный ходит. Мы уж испугались, что он нас сожрёт. Хищному зверю про политику ничего не объяснишь. Я из Петродворца сюда приехал. Работаю на «Электросиле». Решил перед праздником поискать, чего бы выпить. А жена ещё свои хворобы навязала, как обычно. Она у меня на пенсии уже, дома сидит. Я на рынок пошёл. Там тоже и из-под полы купить... Вы – мужики, поймёте! И вдруг гляжу – баба кости дёшево отдаёт. Я ещё удивился – рожа у неё сытая. Сама вся в золоте, а такая добрая. За сорок целковых кости продаёт, а везде за восемьдесят! Я обрадовался, что кобель нас хоть перед Новым годом не слопает...

– Как ваше имя-отчество?

У Петренко в бумагах почему-то были написаны только инициалы.

– Владимир Егорович.

– А что дальше было, Владимир Егорович? Как вы определили, что кости не свиные?

– Я бы и не додумался, честно говоря. Джим вцепился в кость, уполз под кровать. Рычит там, как в логове. А остальные кости я в кухню отнёс и на стол выложил. Сказал своей старухе, чтобы сварила щи. Не всё же собаке жрать – надо и людям побаловаться. За ноябрь и декабрь талоны на мясо у всей семьи не отоварены. А мой младший сын в медицинском институте учится. Услыхал Никифор, что будем на праздник со щами, выскочил на кухню, а там мать кости мо-

ет. И вдруг парень-то как сказанёт! Я сперва и ушам своим не поверил. «Вы что, кости-то человеческие! Я ошибиться не могу, проходили!» И назвал все кости – берцовая там, ещё какая-то... Мать чуть в обморок не упала, а я долго не верил. Потом уже плюнул, говорю Никифору: «Пошли в милицию, там разберутся».

– И быстро разобрались? – поинтересовался Турчин.

– Быстро. – Курнаков встряхнул свою ушанку. – Пришёл эксперт и на глазок определил, что это – те самые кости, которые сын назвал. Потом их отнесли в лабораторию. Мотались мы с Никифором по разным кабинетам, и в конце протокол подписали. Сказали, что я должен дать показания в оперативно-розыскном бюро. Объяснили, что тут может действовать организованная преступная группа, поэтому вам будут интересны мои показания.

– Само собой, интересны! – подтвердил Грачёв. – А вы как думали? Такое что, каждый день бывает?

– А чего сейчас не бывает? – тяжело вздохнул Курнаков. – Я уж и бояться устал.

– У вас большая семья? – сочувственно спросил Петренко.

– Старуха да трое детей. Собака вот ещё...

– Значит, одну кость Джим сгрыз? – покачал головой Турчин, шевельнувшись в кресле.

Теперь в его голове всё встало на свои места, и неизвестность больше не мучила.

– Да, наголодался бедняга. Под кровать залез, я уже говорил. А у такого пса и не отнимешь. Да ничего, кажется, и того хватило. Из чего щи собирались сварить.

Владимир Егорович достал большой клетчатый платок и стал промокать им вспотевшее лицо.

– Дожили, а, ребята? С самой блокады такого не было. Так перестроились, что людей кушать начали... А ведь таких дураков, как мы, много найдётся. Призадуматься бы, почему цены низкие. А мы всё надеемся – вдруг совесть у людей проснулась? Милосердие всё проповедуют. Телик как включишь – там благотворительный концерт, сям тыщи долларов жертвуют, самолёты приземляются с гуманитарной помощью. Чёрт с тем, что ни разу в глаза её не видели, но ведь всё же хочется верить во что-то. Старый я дурак...

– И Курнаков всхлипнул в платок.

– Поскольку вы покупали мясо лично, пожалуйста, нарисуйте план рынка. Хотя бы мясные ряды отметьте, где стояла та женщина. Поподробнее опишите её внешность, – предложил Турчин, придвигая поближе к Курнакову блокнот и шариковую ручку.

Владимир Егорович неловко взял её в заскорузлые пальцы.

– Не знаю, получится ли... Никогда такого не делал. И пишу-то всего два раза в месяц, в ведомости за зарплату. А рисовать в жизни не пробовал. Что касается бабы... Какая же она из себя? Ростом чуть меня пониже. Глаза, вроде, свет-

лые, сильно накрашенные. В ушах золотые серьги-бомбошки. У моей старухи такие есть, только поменьше. Ещё два перстня на пальцах. Одета баба была в тулуп, платок, фартук и нарукавники. Это то, что я увидел над прилавком...

– Вы рисуйте, рисуйте! – подбадривал Курнакова Турчин, припоминая расположение мясных рядов на этом рынке. – Потихоньку, не волнуйтесь – и всё получится. Больше ничего не можете припомнить?

– Ничего. – Курнаков закашлялся. Потом робко спросил: – Курнуть можно?

– Курите. – Петренко отошёл к окну.

Владимир Егорович достал свою «Стрелу», Грачёв и Турчин обошлись «Опалом».

– Вот, затянулся и вспомнил! – обрадованно провозгласил Курнаков, поднимая жёлтый от табака палец. – Имя её, вроде, Оксана.

– Оксана? – Грачёв улыбнулся. – Как у моей сестры. Точно Оксана?

– Или нет... – Курнаков почесал за ухом. – Вроде Оксаны, но не Оксана.

– Может, Роксана? – догадался Турчин.

– Во-во, точно! Роксана! Имя-то непривычное, так я сразу и забыл.

– Неосторожно она позволила назвать себя по имени. Оно редкое в наших краях, – задумчиво произнёс Турчин. – Ну вот, Владимир Егорович, вы всё и вспомнили. Третья спра-

ва в ряду; описание внешности и имя у нас есть. Скажите свой домашний телефон, завизируйте протокол и можете быть свободны. Да, когда вы мясо покупали?

– Позавчера, в пятом часу вечера. До моей электрички ещё много времени оставалось.

– Давайте ваш пропуск. – Петренко вернулся за стол. – И вот тут распишитесь...

Заурчал местный телефон, и Петренко взял трубку. Хмурое, озабоченное лицо его просветлело. Подполковник улыбнулся, сверкнув очками.

– Андрей? Добрый вечер... Нет, Савин не звонил. Он ещё в Сортавале? А ты не можешь сейчас к нам подняться? Не по поводу хищения оружия – дело гораздо страшнее. Может быть страшнее, я тебе говорю! У нас сейчас идут допросы свидетелей. Да успокойся ты со своими стволами, Савин без тебя справится. Ладно, жду...

Пока Курнаков складывал вчетверо пропуск, копался в карманах, сморкался, со свистом втягивая в себя воздух, и устраивал на голове шапку, Озирский успел дойти до кабинета Петренко. Распахнув дверь, он с порога оглядел собравшихся. А потом поздоровался за руку со всеми, включая Курнакова. Андрей был без шапки, в распахнутой дублёнке и в джинсах, заправленных в короткие зимние сапоги.

Петренко представил Владимира Егоровича.

– Познакомься – один из самых главных свидетелей... или потерпевших, я так и не могу определиться... Начинаем но-

вое дело – будь здоров! Осталась ещё одна девица, а перед этим была дама. Все пострадали при сходных обстоятельствах.

– И в чём вопрос? – Озирский занял ещё один стул и сдёрнул с шеи шарф.

– Человеческого мяса накушались, – сообщил Грачёв.

– Чего-о? – Озирский вытаращил глаза.

– Я не кушал... – несмело возразил Курнаков, но Андрей с места взял в карьер.

– Нет, вы действительно ели человеческое мясо?

– Не я, мой кобель кость сгрыз. А остальные мы с сыном в милицию сдали. Он у меня студент-медик. В блокаду, мать говорила, у трупов отрезали ягодицы и ляжки. Но тогда хоть взаправду жрать нечего было. А нынче...

– Нынче тоже дистрофиков достаточно, – возразил Озирский, с нескрываемым интересом рассматривая Курнакова. – Но всё дело в том, что такими вещами занимаются не они.

Курнаков переступил с ноги на ногу, шлёпнул губами и сказал:

– Ну, я пошёл. Не буду задерживать.

– Спасибо вам за показания, Владимир Егорович. – Петренко приветливо улыбался. – Всеволод, приведи сюда девушку. Она там тоже вся в истерике. Испортили людям Новый год, сукины дети!..

Андрей отодвинулся в угол, предварительно скинув дуб-

лёнку и пристроив её вместе с шарфом на вешалку. Не спрашивая разрешения, он закурил, пуская дым в сторону тёмного окна.

* * *

Вошедшая девушка лет восемнадцати, в светло-голубой «дутой» куртке с капюшоном, в «варёнках» и сапогах на шпильках, была так взволнована, что споткнулась у порога и едва не растянулась на ковровой дорожке.

Озирский, подхватив её под локоть, покачал головой:

– Дитя моё, надо же быть поосторожнее! Вам надо беречь себя ради будущего...

– Проходите, Маша, – по-домашнему пригласил девушку Петренко.

Андрей улыбнулся – свидетельницу звали так же, как его мать.

– Мария Семёновна Францикевич, семьдесят третьего года рождения, живёте на Морском проспекте. Всё верно? – спросил Грачёв. Девушка кивнула. – А теперь расскажите, как было дело.

– Всё произошло двадцать восьмого декабря вечером.

Мария нервно теребила завязки, свисающие по бокам опушённого белым мехом капюшона. Она переводила взгляд со Озирского на Грачёва, потом – на Турчина, и никак не могла понять, кто же из них ей больше нравится. От воз-

буждения в Машинной голове все смешалось, но она добросовестно старалась припомнить подробности.

– Я подрабатываю уборщицей, а учусь в Педагогическом университете. Вечером, три дня назад, я вышла из проходной предприятия, где убираюсь...

– Адресочек, пожалуйста! – попросил Петренко.

Францикевич обстоятельно продиктовала адрес и даже объяснила, как туда лучше проехать. Турчин и Грачёв предполагали, что Маша, как и Владимир Егорович, не успела попробовать человечины.

Андрей слушал, навалившись на стол и машинально стряхивая с сигареты пепел. Мария кинула взгляд на его руку, увидела розовый глубокий шрам на тыльной стороне ладони, и в её голубых глазах что-то дрогнуло.

– У проходной меня остановила старушка, такая вся из себя бедная. Сама в грубом платке, и пальтецо обдёрганное. Предложила мне дешёвое мясо, и я польстилась. Ведь за сорок рублей, без костей – я так обрадовалась! Решила, что поджарим к празднику...

– И вам не показалось всё это подозрительным?

Озирский откинулся на спинку стула, и под светом ламп заблестела кожаная вставка на его джемпере. Всеволод про себя отметил, что этот вопрос хотел задать и он сам.

– Показалось, – не стала спорить Маша. – Но, я думала, с мясокомбината украли, а теперь продают по дешёвке.

Она стиснула пальцами крохотную сумочку, больше на-

поминающую кошелёк на ремешке.

– Есть нечего, а я из принципа буду голодная сидеть? Нас с сестрой мама одна растит. Не Бог вещь как живём, так что хочется хоть в праздник нормально покушать.

– Всё верно, Машенька, – успокоил её Турчин. – Мы – тоже не нувориши, понимаем. А лично вы как определили, что мясо... как бы это сказать... не свиное? Или это сделал другой человек?

– Я сама, – призналась Маша. – В шесть часов на улице было совсем темно. Я купила мясо, сунула в полиэтиленовый мешок. Принесла домой, на Крестовский. Мама ещё не вернулась, а сестрёнка Эмилия делала уроки. Мы с ней стали мясо выкладывать на стол в кухне. И вдруг я вижу – на коже – татуировка! Якорёк маленький такой...

Маша испуганно, из-под длинных ресниц, посмотрела на оперативников.

– Не у свиньи же татуировка. Правда? Я Эмилию из кухни выпроводила – ей всего десять лет. Разрвётся только, да и всё. А мне страшно, аж зубы стучат. Стала маму ждать, а сама себя последними ругательствами крою. Ведь сорок рублей истратила, а для нас это деньги.

– Сразу в милицию заявили? – подал голос Грачёв.

– Как только мама пришла, я ей всё по-честному рассказала. Она сначала испугалась, заплакала даже. Не из-за денег, нет! Ей того человека жалко было. У неё старшую сестру в блокаду едва не съели, представляете? Ей всего три годика

было. В последней момент отняли у соседа по коммунальной квартире. Он вскоре сам умер, между прочим. Мама в ужас пришла и сказала: «Докатились!» Мы с ней вместе снесли мясо в милицию. Там его как-то проверили – действительно, оказалось человеческое...

– Акт составили? – перебил Петренко.

– Да, он должен быть у вас.

– Маша, а вы эту старушку запомнили? – задал уже привычный вопрос Турчин.

– К сожалению, нет. Очень темно было, и она всё как-то норовила от фонаря отойти. Я не удивилась особенно – думала, что мясо ворованное.

– Там ещё покупатели были? – продолжал Александр.

– Нет, пока я брала, никто не подходил.

– А раньше вы эту торговку там видели? – насторожился Всеволод.

– Сама не видела, но от сотрудников слышала, что старушка хорошее мясо дёшево продаёт у проходной.

– Однако наелись ваши сослуживцы! – присвистнул Грачёв. – И никто ничего не заметил!

– Женщины, наверное, сами и не ели, – объяснила Маша. – Они сыновьям и мужьям покупали. Всё жаловались, что мужчин нечем кормить совершенно. Мама даже радовалась, что нам не так тяжело. Хоть с деньгами и напряжёнка, но мужика не нужно кормить. Он, по нынешним ценам, больше сожрёт, чем принесёт.

– Я вижу, от такой жизни многие девушки станут мужененавистницами, – грустно предположил Турчин. – Значит, Маша, ничего больше не можете вспомнить?

– И рада бы, да не получается, – призналась девушка.

– Тогда не буду вас больше задерживать. – Петренко протянул ей листы протокола. – Подпишите каждую страницу и дайте мне пропуск.

Продиктовав номер своего телефона и расписавшись там, где было указано, Мария Семёновна Францикевич удалась.

Андрей с хрустом потянулся, и прозрачные глаза его блеснули зеленью:

– Братцы, объясните толком, что случилось! Я уже, конечно, всё понял... – Он поспешно прикурил от зажигалки. – Но всё же хочется иметь более полную картину.

– Да, насчёт пропавшего оружия – чтобы уж закончить...

Петренко в очередной раз протёр очки. Сейчас он был похож на рассеянного профессора, а не на бывшего сыщика.

– Номера Савин знает? В воинской части его проинформировали?

– Номера-то знает, и на этом всё кончается. Предположительно следы ведут в Сортавалу. Но пока, как видите, никаких новостей нет.

– Нет, так будут. – Всеволод покосился на дверь, за которой скрылась Маша.

– Да что у вас здесь творится, чёрт побери?! – Озирский

дёрнулся от нетерпения. – Не тяни, Севыч, коту за хвост.

– Ты что, сообразил ещё? – Грачёв досадливо скривил рот. – Три человека купили свинину – либо на рынке, либо на улице с рук. Во всех случаях цена была явно занижена. Потом разными путями покупатели пришли к единому выводу – мясо, не к новогодней ночи будет сказано, человеческое. Вот акты, читай!

Всеволод бросил Андрею пластиковую папку.

– Курнаков и Францикевич не успели отведать человечины. А вот семья Муравьёвой в полном составе причастилась. Женщина в шоке, о реакции других родственников пока сведений нет. Минц приедет с проспекта Ударников, расскажет новые подробности.

– Сашок тоже этим занимается?

Озирский внимательно читал протоколы, посасывая почти погасший чинарик.

– Мы его отправили допросить свекровь Муравьёвой. Она лично покупала мясо.

Петренко помассировал виски подушечками длинных пальцев.

– Мне кажется, что все трое торговцев связаны через один центр. Слишком похожи их легенды. Якобы крестьяне, проникшиеся духом милосердия и сострадания, торгуют дешёвым мясом на радость изголодавшим горожанам. В случае с Францикевич старуха, явно бедняцкого вида, тоже не стремится нагреть руки на всеобщем дефиците в преддверии Но-

вого года. В первых двух случаях мясо было с костями. И по ним определили его происхождение. Маша, как ты слышал, заметила татуировку на коже.

– Очень существенное упущение! – Озирский отложил протоколы. – Они что, не разглядели? Сами-то продавцы?...

– Тут может быть несколько причин. – Турчин взял у Андрея папку. – Либо действительно в спешке не разглядели, либо это было сделано намеренно.

– Знак, что ли, подают? – Андрей шагнул к вешалке, снял с плечиков свою дублёнку. – Впрочем, почему бы и нет?

– Вполне вероятно, что кто-то хочет привлечь внимание к торговле человеческим мясом, но на активный протест не решается... – начал Турчин.

– Естественно. Знаешь, что в этой среде бывает за активный протест? – ухмыльнулся Грачёв.

– И рассчитывают, что покупатель, обнаружив татуировку, заявит в милицию, – закончил Александр.

– Если среди них есть отступники или хотя бы сомневающиеся, уже будет легче, – сказал Петренко.

Он достал из верхнего ящика стола большую фаянсовую кружку, налил её доверху водой и графина и сунул туда кипятильник.

– Как, ребята, насчёт чайку?

– Мы уж до дома потерпим.

Турчин, как и Грачёв, смотрел на Андрея. Тот уже буквально рвался в бой.

– Сейчас у нас половина восьмого. – Озирский закрыл вязанным рукавом свой «Ролекс». – У вас двоих есть время хотя бы до половины двенадцатого?

– До половины есть, а там всё же Новый год нужно встречать, – напомнил Турчин. – Причём не только нам, но и тебе.

– Я встречу и без твоего напоминания.

Озирский наблюдал за тем, как закипает вода в кружке Петренко. Сам подполковник в это время доставал одноразовые пакетики с заваркой.

– Меня интересует резюме начальника. Я подключаю к розыскам своих людей, причём немедленно.

Петренко задумчиво наблюдал за тем, как из пакетика расползаются красно-коричневые нити, похожие на щупальца спрута.

Потом просто сказал, поворачивая чайной ложечкой пакетик:

– Действуйте, ребята. Я не прошу Андрея докладывать мне свой план, потому что доверяю его интуиции и порядочности. Да и такие орлы, как Грачёв с Турчиным, в случае чего, его подстрахуют.

– Я завтра же доложу о том, что удастся нарыть сейчас, – пообещал Озирский.

– Андрей, на тебе и так шесть дел, в том числе и по хищению оружия! – напомнил Всеволод, надевая шарф и шапку. – А мы тут с человеческим мясом влезли...

– Лично мне хочется, чтобы питерцы всё-таки питались

мясом животных. Даже в блокаду далеко не все докатывались до такого позора.

Озирский, стоя у окна, отсутствующим взглядом смотрел на предновогодний, ещё шумный, но в то же время уже тёмный, настороженный Литейный проспект.

Потом он предположил неожиданным грустным голосом: – Думаю, что сегодняшней ночью многие окажутся в больницах...

– Типун тебе на язык! – испугался Петренко. – А уж нам-то работёнки точно много будет.

– И медикам, – настойчиво вещал Андрей. – Вы только представьте – пьяная озлобленная толпа вылезает ночью на улицу. Ни для кого никаких ограничений. На что хотите поспорим – в дежурной части задымятся провода.

– Да где уж мне с тобой спорить-то?...

Геннадий Иванович отхлебнул то ли чаю, то ли чифирия – его напиток по цвету напоминал ячменный кофе без молока.

– Ладно, ребята, идите, только будьте осторожнее. В тёмные углы раньше времени не суйтесь, в драки не ввязывайтесь. И вообще, не надо эту публику пока провоцировать. Особенно это относится к Андрею, который после осени ещё не до конца выздоровел. Я до сих пор боюсь за тебя, слышишь? – Петренко похлопал Озирского по руке. – Три месяца – не срок. Ты должен беречь себя и не рисковать понапрасну.

– Может быть, нам повезёт, – загадочно сказал Андрей. –

Бывает ведь, что под Новый год исполняются желания? Мы сейчас прокатимся по нескольким адресам...

– Далеко? – забеспокоился Турчин, представив себе реакцию Аллы.

– Не очень. Самый длинный конец – Московский район. Потом Севыча забросим на проспект Славы и вернёмся. Саш, ты пойми...

Озирский нырнул в свою дублёнку и застегнул её на последний крючок. Потом внимательно осмотрел себя в зеркале. Грачёв уже подпрыгивал у двери.

– К молодожёнам должно быть особое отношение. Думаю, что вы с Аллой Валентиновной уже достаточно друг на друга нагляделись. А вот у Лилии Николаевны сердце разорвётся, если Всеволод не явится встретить первый их совместный Новый год...

– Горазд ты настроение портить! – Всеволода отнюдь не прельщала перспектива всю ночь ворковать с Лилией.

– Севыч, уж на что я не люблю бабские сопли, а и у меня душа болит за Лильку, – признался Андрей. – В любом случае, я тебя подвезу к парадному после того, как мы закончим дела. Пойдёмте, мужики, времени мало.

– Ты на машине? – Турчин тоже натянул дублёнку.

На тёмных оконных стёклах что-то посверкивало. Между рамами полз холодок, хотя мороз сегодня и не был особенно сильным.

– Да, я же мотался в область. Конкретно – в Петрокре-

пость.

Андрей перед зеркалом нахлобучил лисью ушанку, которую вытащил из-под стола.

– И за бензин платил из своего кармана? – нарушил блаженное чаепитие Петренко.

– Пока мы будем разбираться, кому за бензин платить, все бандюки разбегутся. Иваныч, до связи! Всё будет нормалёк. С наступающим тебя, босс!

– Спасибо, и вам всем удачи! – Петренко с каждым попрощался за руку. – С Новым годом вас, ребята, и постарайтесь вернуться целыми. Пожалейте своих родных и близких...

ГЛАВА 2

Пассажиры вишнёвой «пятёрки» наблюдали за тем, как мелькают по бокам Владимирского проспекта расцвеченные гирляндами окна. Саша Турчин увидел свои, и в щёлку между шторами даже заметил ветки наряженной ёлки.

Все молчали. Наконец, Турчин, взволнованный увиденным, поинтересовался:

– Мы куда едем, если не секрет?

– Да какой там секрет?

Андрей круто повернул баранку, заезжая с Кузнечного на улицу Достоевского. Здесь вообще не чувствовалось никакого новогоднего веселья. Сначала отсыревшие, а потом промёрзшие стены домов образовывали мрачные, абсолютно тёмные дворы-колодцы, уставленные круглыми бачками со спрессованным, навсегда позабытым мусором.

– Моя подружка почему-то живёт здесь, хотя могла бы найти себе квартиру и получше.

– Какая ещё подружка? – Грачёв брезгливо выпятил губу. – Любишь ты тёмные переулки, я смотрю. Помнишь, к Надин Галановой ездили? Я тогда едва лоб себе не расшиб.

– Идите прямо за мной.

Андрей жестом пригласил их на выход, а потом запер машину. Из каменного колодца были видны сизые тучи и звёздное небо. Несмотря на то, что январь ещё не начался, здесь

воняло кошками. Из окна второго этажа тянуло чьей-то поганой стряпнёй.

– Тут ступеньки, ребята, осторожнее. – Озирский пропустил их в подъезд. – Мою подружку зовут Розалия Петухова. Видочек у неё несколько экстравагантный, так что не обращайтесь внимания. Очень полезная личность – по крайней мере, для меня.

Лестница оказалась узкая, крутая и тоже вонючая. Грачёв с Турчиным боялись здесь к чему-либо прикоснуться. Озирскому всё было нипочём.

– Знал бы, джинсы надел с курткой!

Всеволод всю дорогу вполголоса матерился и, похоже, находил в этом особое удовольствие. Турчин, не любивший брани и прочих крайностей, подавленно молчал. Ни одна лампочка на всей лестнице не горела. Оставалось только удивляться тому, как Андрей ориентируется в маршах и дверях.

– Кто тут вообще может жить?... – Турчин расстегнул верхние крючки дублёнки, стараясь не задеть прислонённое к обшарпанной стене цинковое корыто. – Разве что персонажи Фёдора Михайловича... Прямо-таки литературный заповедник.

– Сейчас увидишь!

Андрей несколько раз ударил кулаком в дверь, обождал немного и забарабанил снова. Кто-то подошёл с той стороны и замер, прислушиваясь.

– Открой, Розалия, дело есть! – приказал Андрей, склонившись к светящейся щели.

– Андрей? – сварливый скрипучий голос сразу стал приветливым. – Сейчас отворю. Ты один?

– Нет, но за ребят ручаюсь. Впрочем, можешь и не открывать. – Озирский подмигнул своим спутникам. – Я сам потихоньку твою дверь с петель сниму. Эту хазу любой сявка распакует.

– Открываю уже, не скандаль! – сказала хозяйка и через мгновение предстала перед гостями, улыбаясь ртом, беззубым от клыка до клыка.

С загаженной лестницы, напомнившей Грачёву времена операции «Купюра» и мастерскую художника Гаврилова, они попали в довольно-таки зажиточное гнёздышко, увешанное коврами всех размеров и расцветок. Сама Розалия Петухова походила на Бабу-Ягу. Торчащие в разные стороны седые лохмы, ввалившийся рот, острый нос, подбородок в виде китайского яблочка и кустистые, мужские брови вызвали именно такие ассоциации.

– Проходите в комнату, я дверь запру.

– Спасибо.

Андрей бесцеремонно шлёпнулся на застеленный ковром диван, обвёл взглядом комнату.

– Розалия, у тебя только кино снимать про шатёр Чингисхана. Как ты тут не задохнёшься? Купила бы мебель хорошую, а то спишь на раскладушке... Может быть, ты ковры

коллекционируешь? Да, я забыл представить хозяйку своим друзьям.

Озирский за руку подвёл Петухову к оперативникам. Она мелко семенила опухшими ногами в валенках с обрезанными голенищами.

– Розалия Елисеевна Петухова, знаменитая попрошайка с Кузнечного рынка. Постой, не встречай! – властно оборвал он Бабу-Ягу. – Как живёт, сами видите. Почти миллионерша, если оценить её ковры. Но иначе здесь никак нельзя – на стенах грибок и сырость, в щели с улицы несёт. Конечно, платит дань бандитам. Знает на рынках всех собак, и они её знают. Меня интересует женщина по имени Роксана, торгующая мясом. По крайней мере, двадцать девятого декабря она стояла вот здесь. – Андрей расправил перед Петуховой листок с планом, нарисованным Курнаковым. – Всё, что узнаешь, сразу же мне расскажешь. Поняла?

– Поняла. Чего ж тут не понять, мил человек? – Розалия Елисеевна сунула в беззубый рот папиросу.

Озирского она не угощала, зная, что он курит другие. То же самое Розалия подумала и относительно его элегантных спутников.

– Значит, Роксана! Запомнила? Не утаивай ничего – мне нужны самые интимные подробности. Ну, спасибо за гостеприимство. С наступающим тебя! Желаю в новом году собирать побольше...

– И тебя также! Всех вас, люди добрые! – Розалия шу-

товски поклонилась в пояс. – Пойдёмте, провожу вас, а то с непривычки ноги поломаете...

Вниз оказалось идти ещё труднее, чем вверх – стёршиеся ступени буквально выскальзывали из-под ног. Когда наконец-то оказались во дворе, у машины, Турчин облегчённо вздохнул.

– Думаешь, она поможет разыскать торговку? – спросил он у Озирского.

– Не думаю, а уверен. – Андрей открыл дверцу «Жигулёнка». – Её слово железное. Ты не смотри на дурацкий внешний вид. Это – потомственная нищенка. Вроде как «в законе». Никогда нигде не работала, даже в коммунистические времена. Все предки у неё этим промышляли. Розалию гоняли-гоняли с Кузнечного, а она возвращалась, давила на жалость. Волокита продолжалась два года, пока однажды не посетили её квартиру и не увидели эти самые ковры. – Андрей включил зажигание и хохотнул. – Тут гражданку Петухову едва не замели, но я вмешался. Решил, что она будет мне полезней в роли вечной должницы. Пусть себе попрошайничает, собирая по двести-триста рублей в день – услуги её стоят дороже.

– Правильно! – согласился Грачёв, еле отдышавшийся после смрада лестничной клетки. – В её занятиях ничего опасного нет. Впрочем, замолить можно любой грех – надо только остановиться вовремя.

Всеволод имел в виде их общего знакомого Готтхильфа,

и Андрей его понял. Еле заметно усмехнувшись, он вывел машину со двора.

– Ничего, только девятый час. Везде успеем, гарантирую.

По улице Марата и Подъездному переулку Озирский выехал на набережную Обводного канала и уже никуда оттуда не сворачивал.

* * *

– В Ульянку едем? – Всеволод торопливо закурил.

Трепеща ноздрями, как необъезженный конь, он, казалось, злился на медлительность автомобиля. «Лада» стремительно и легко несла их вдоль зажатого в камень канала по направлению к Финскому заливу. Андрей вёл машину играючи, как делал абсолютно всё. Он успевал перекурить, послушать переговоры по радиии и отдать несколько распоряжений членам своей группы, сидящим в засаде у пивных ларьков на Лесном проспекте.

– Нет, на Гутуевский, – ответил он, немного погодя.

– На Гутуевский? – Турчин даже протёр кожаной перчаткой ветровое стекло.

В обе стороны от Обводного канала уходил проспект Газа, вновь ставший Старо-Петергофским. Оставалось только доехать до речки Екатерингофки и проскочить мост.

– Я там, между прочим, один раз был, – вспомнил Саша. – Чей-то день рождения отмечали в «Бригантине».

– Не чей-то, а мой! – ввернул Грачёв. – Сильно выпил, что ли?

– Извини, – смутился Турчин. – Это, вроде, давно было?

– Допустим, шесть лет назад. Ты тогда из Москвы приехал и познакомил меня с Аллой.

А-а, точно! – обрадовался Турчин. – Прости, совсем из головы вон.

– А ещё супершпионом хотел стать! – поддразнил его Всеволод. – Ты тогда учил всех собравшихся много пить и не пьянеть. Жалел, что у тебя с собой нет оружия, а то бы показал, как стреляют после пол-литра водки настоящие шпионы. Короче, надо рюмку на голову поставить и глаза закрыть, чтобы умирать не так страшно было...

– Да ну тебя! – порозовел в полутьме Турчин. – Неужели я действительно нёс такую ахинею?

– Истинно так! – безжалостно припечатал его Грачёв. – Потом бармен слёзно просил больше тебя не приводить – испугался. Андрей, скоро приедем?

– Минутку ещё потерпеть можешь? – Озирский, прищурившись, смотрел вперёд через расчищенное «дворниками» лобовое стекло.

То, что Озирский даёт осведомителям задания, Турчин понял уже у Петуховой. Теперь агенты будут подчиняться и им – Саша знал этот закон. Подрулив к освещённой изнутри «Бригантине», Озирский нажал на клаксон. Совершенно не обращая внимания на шатающихся вокруг ресторана дюжих

пьяных молодцев и хохочущих шлюх, он сигналил и сигналил, пока к автомобилю не подбежал молодой человек с до-революционными остренькими усами.

Наклонившись к машине, он сказал:

– С наступающим вас! Нужно что-нибудь?

– И тебя также, – ответил Андрей. – Садись к нам, Витольд, я тебе всё объясню.

Молодой человек, пальцами ослабив затянутый на горле белый шарф и подобрав полы длинного кашемирового пальто, втиснулся на заднее сидение – рядом с Турчиным. Андрей тут же выключил свет в салоне.

– Как поживаешь? – Он протянул Витольду пачку сигарет.

– Да ничего, спасибо.

Парень взял две штучки. Одну он закурил, другую спрятал в карман.

– Работаешь? – хмыкнул Озирский.

– А как же!

– Всё на Кондратьевском?

– Да, пока там фарт идёт, – лаконично объяснил молодой человек.

– Вилениус Витольд Арсеньевич, – представил его Озирский. – О его подвигах расскажу потом, а сейчас дадим-ка ему задание. Только вы пока посидите тут немного. А я схожу, позвоню.

Озирский, выразительно взглянув на коллег, вылез из-за руля и направился к телефонной будке. Публика до то-

го перепилась, что вряд ли могла узнать Андрея, даже если там были его знакомые. Витольд Вилениус задумчиво выпускал колечки дыма из узких ноздрей и был невозмутим, как сфинкс.

Всеволод не выдержал:

– Витольд Арсеньевич...

– Да?... – с готовностью отозвался Вилениус.

– Давайте без обиняков, ладно? Вы, как я понял, не совсем законно добываете хлеб насущный. Не будем вдаваться в детали. Меня сейчас интересует другое – почему вы лично работаете на Андрея? Он вам платит?

Витольд выпустил ещё несколько колечек. Потом протянул руку между двумя передними сидениями – к пепельнице. От него сильно пахло импортным кипарисовым одеколоном.

– Это я ему плачу, добровольно. Долг отдаю.

– За что? – спросил Турчин.

Он сидел, прикрыв глаза, и разноцветные лучики от ярких праздничных огней образовывали причудливый узор.

– Год назад у метро «Пролетарская» моего брата сильно порезали. Шесть ножевых ранений, из них одно – в селезёнку. Не буду рассказывать всю историю, это вам будет не интересно. Конон умирал реально. У нас с ним разные группы крови, к сожалению. Я дал бы ему сколько угодно, но моя не подходила. – Витольд снова затянулся. – У меня, кроме брата, никого больше нет. Это было глухой ночью. Его привезли

в больницу. Шарага занюханная, крови вообще никакой, а доноры СПИДа боятся. А тут раз Андрей приехал, какого-то своего ханыгу провести. Тот при задержании спьяну навернулся вместе с «тачкой» и лежал рядом с братом. «Секунды» уже прошли. По городу не объявишь, что редкая группа требуется. Да и кто даст взрослому жулику?

Вилениус, обвёл блестящими голубыми глазами лица слушателей.

– Озирский услышал, что человек умирает, и спросил, какая группа нужна. Оказалось – именно его собственная. И он тут же дал кровь, причём сразу много, восемьсот миллилитров. Прямо у стола, не отходя никуда. Какому-то, прости, Господи, торгашу! Но это для него не имело значения. Теперь я – его раб навеки. Сам предложил – он ни в коем случае не настаивал. А ведь Андрея самого через три дня ранили. Ему кровь очень пригодилась бы. Помните. В «Ручьях»? Это тогда было. Вот...

Витольд заметил, что Озирский возвращается. На счастье, Андрей с кем-то зацепился языком, и немного задержался.

– Мужики, не говорите, что я вам рассказал. Он не любит, когда открываю на счёт этого. А?

– Замётано. – Грачёв по-новому смотрел на Озирского.

Тот уселся за руль, обдав остальных морозцем и, как показалось Грачёву, запахом шампанского и цитрусовых. Сказал Вилениусу несколько слов на ухо, потом качнулся назад.

– Припоминаешь такого?

– С родимым пятном под носом? Знаю.

– Как только представится возможность, вдоль и поперёк его прочеши. Все данные сейчас же сбрось мне. Он торгует мясом, по дешёвке.

– Сделаю, – твёрдо сказал Витольд. – Послезавтра. Идёт?

– Лучше бы завтра. Ладно, как ты сочтёшь нужным, так и поступай. Но не позже третьего января, тут всё очень серьёзно. Счастливо, с наступающим тебя! Брату привет.

Андрей пожал Вилениусу руку.

– Обязательно передам. Он будет очень рад.

Витольд ушёл обратно в ресторан. А Озирский, продолжая улыбаться, повернул ключ зажигания.

– Ты Минцу звонил?

Турчин, откинувшись на спинку заднего сидения, вдыхал оставшийся после Вилениуса приятный запах одеколona. Над Гутуевским островом сияло чистейшее звёздное небо.

– Да, он уже там. У себя, на Васильевском. Бабка оказалась не такая уж слепая. По крайней мере, особую примету продавца сообщила. Если, конечно, он это пятнышко себе не нарисовал. Но Витольд говорит, что знает такого.

– Я оказался прав – с бабками Минц умеет беседовать. А это, между прочим, особый талант, доступный далеко не каждому. Впрочем. – Всеволод обернулся к Турчину, – ты тоже не оплошал бы. Находится же у людей терпение – я просто восхищаюсь! Это ведь уже ненормальные люди, которые не воспринимают реальность адекватно. Я лично не

могу слушать про их героическую жизнь, про неблагодарных детей и про паскудных соседей. За миллион долларов не согласился бы, честное слово! И кормят их плохо, и разговаривают грубо, и воруют у них всё постоянно. Только сами они в нимбе сияют, как архангелы. Послушаешь – так ни одного недостатка, хоть очищайся под ними... Значит, описание торговца Сашка тебе продиктовал?

– Да, и Вилениус его вспомнил, – ответил Андрей, снова разгоняясь до приличной скорости.

Они ехали по тёмной и пустынной набережной Обводного канала.

– Кстати, чем занимается на Кондратьевском твой агент? – Грачёв решил узнать это у Андрея.

– Он катала, – просто сказал Андрей, словно в профессии его агента не было ничего предосудительного.

Того же мнения оказался и Грачёв:

– Ну, так никого же насильно не сажают с ним в карты играть! А брат его?

– Уже успел разлямкать? Зараза, метёт языком, как баба! Братан его, Конон Арсеньевич, у «Пролетарской» цветочные киоски держал. Год назад получил пером – шесть раз. Выжил – правда, с трудом. Теперь с тростью ходит, как благородный...

У Варшавского вокзала Андрей свернул на Московский проспект. Посматривая за дорогой, он покосился на Грачёва.

– Севыч, ты к Светлане с детьми не собираешься?

– Она приглашала на первое число. Я же с самых крестин Марьяшку не видел! Да и Богдан просил приехать – соскучился.

– На который час приглашала?

– К четырём. Свекрови её там не будет. Галина Павловна меня терпеть не может. Только и говорит, что я Мишку сгубил. Представляешь, каково мне это слушать?

– Это она зря, Севыч! Надо будет мне с ней поговорить при случае. Может быть, удастся в чём-то переубедить. – Озирский досадливо дёрнул щекой. – Я с тобой подарки передам детям. Жаль, что до сих пор не повидал Мишкину дочку.

– Ещё повидаешь! – успокоил Грачёв. – Я, когда завтра поеду на Просвет, заверну к тебе. Дома в три часа кто-нибудь будет?

– Мать с детьми должна быть, – ответил Андрей. – А про себя заранее ничего сказать не могу.

У станции метро «Московская» Андрей свернул с проспекта вбок. Сначала улица, по которой нёсся автомобиль, была застроена тяжеловесными «сталинскими» домами. Потом вдруг «Жигули» вырвались на заснеженный пустырь, отделяющий старые кварталы от более новых.

– Андрей, тридцатого января ты при любом раскладе будь у Светланы, – попросил Всеволод. – Она очень просит тебя прийти. Службу закажет, на годовщину Михаила...

– К сожалению, я не волен выбирать день для операции, –

сумрачно ответил Озирский. – Двадцать пятого января должен лечь в клинику – срезать рубец и пересаживать кожу. Сколько я ни упрашивал немного отложить, медики не пошли на уступки. Передай Светлане, что я, если не вырвусь, потом сам схожу на кладбище и подам записку за упокой души. Пусть не обижается, должна же понять! – Андрей тяжело вздохнул.

Близ кинотеатра «Планета» он затормозил, сделал левый поворот на проспект Космонавтов, заехал на тротуар. Вскоре машина остановилась в тихом сумрачном двореке, среди блочных пятиэтажек.

Вылезая, Андрей обернулся к коллегам и ободряюще улыбнулся:

– Этот адрес – последний. Пойдёмте скорее!

– Я бы ещё ночку с тобой покатался, – признался Грачёв, понимая, что ему совсем не хочется возвращаться к Лилии.

Турчин пожал плечами – он не мог понять молодожёна, который уже устал от безумно любящей его жены. Они с Аллой и на восьмом году совместной жизни ещё не надоели друг другу. И боготворили семейный уклад, особенно после рождения сына в восемьдесят седьмом. Турчины вообще не мыслили себя порознь, и при каждом удобном случае собирались вместе.

– Сейчас познакомлю вас с преинтереснейшей особой!

Андрей не мог сдержать своей солнечной улыбки, появляющейся на его лице при воспоминании о дорогих людях.

– Севыч, ты, кажется, интересовался. Припоминаешь «Время «Ч»?

– Да? Это она? – Грачёв сначала даже не поверил. – Серьёзно?

– А как же! Поторопитесь, уже одиннадцатый час. А у меня ещё куча дел в старом году. Нехватка времени – самое неприятное из того, с чем приходится сталкиваться. Я упаду на колени перед тем, кто сумеет раздвинуть сутки! – Озирский преодолевал короткие пологие марши в два прыжка.

Около кожаной двери тёмно-коричневого цвета Андрей ненадолго задержался, потом пригладил волосы и позвонил. Почти следом за ними в подъезд ввалилась компания подвыпивших мужиков среднего возраста. Сзади плелась сходная по численности группа женщин с измождёнными лицами. На двух из них были пятнистые искусственные шубы, на остальных – кримпленовые пальто с норковыми воротниками.

В обеих компаниях царило какое-то нехорошее возбуждение. Запах поганого перегара постепенно заполнил лестничную площадку. Руки у приехавших были пусты – они не принесли ни подарков, ни цветов, ни ёлки. Только у одного из мужиков за пазухой виднелось горлышко водочной бутылки. А у другого из кармана торчала плоская бутылка коньяка с четырьмя звёздочками на этикетке. Женщины несли закуску: одна – свёрток с пирогами, другая – жареную курицу в промасленной бумаге.

Озирский поспешно нажал кнопку ещё раз, отворачиваясь от припозднившихся гостей. За дверью, куда впустили толпу, уже вовсю гуляли. Звенела гитара, и чей-то высокий голос старательно выводил «По диким степям Забайкалья». Такое веселье в любой момент могло обернуться скандалом, даже дракой – оперативники это хорошо знали.

Кожаную дверь отворила симпатичная блондинка с завитыми в крупные кольца волосами. Одета она была в атласное синее платье до пола, с голубой розой у плеча. Узнав в полумраке Андрея, она ахнула, засмеялась, схватила его за руку и втащила через порог. Всеволод с Александром шагнули в тесную прихожую, заваленную шубами, дублёнками и уличной обувью. В комнатах было довольно спокойно, только работал телевизор, играла музыка и мерцали лампочки на ёлке.

Грачёв заметил, что молодая женщина прямо-таки сгорает от желания броситься Андрею на шею, но стесняется делать это при посторонних. Лицо её разрумянилось, и светлые, густо намазанные, похожие на пуговицы глаза заблестели.

– Арина Скресанова – Всеволод Грачёв. Александр Турчин!

Андрей старался не допустить никаких нежностей со стороны своей подруги.

– С Новым годом! С новым счастьем! Извини за неожиданное вторжение, и притом без подарка. Срочно потребовалась твоя помощь.

– И вас всех также! Очень приятно познакомиться. А что касается подарка, ты мне его уже сделал, – подмигнула Арина и тихо, как-то по-особенному рассмеялась.

– Это ещё вопрос, я или нет, – так же загадочно ответил Озирский. – Весной разберёмся, надеюсь.

– Не нужно ломать мне крылья, – обиженно сказала Арина. – Пойдёмте на кухню, там будет удобнее, хоть и не очень прибрано. Может быть, выпьете ликёрчику?

– Андрей за рулём, а мы его дразнить не хотим.

Турчин первым уселся за белый, уставленный грязной посудой пластиковый стол, приткнувшийся под навесным шкафчиком.

Он ещё раз осмотрел хозяйку квартиры и заметил её обтянутую атласом, располневшую талию. Примерно за пять месяцев до рождения сына такая же была и у Аллы. Грачёву же не терпелось приступить к делу, и он выразительно выбил дробь пальцами по столешнице. Андрей украдкой поймал Аринину руку и сжал её тёплое запястье.

– Тогда я не знаю, что вам предложить, – расстроилась хозяйка. – Рыбу сделала под маринадом. Обошлось это, конечно! Хорошо, что от мужа ещё остались деньги, а то родители вообще на нуле. Не хотите свиной котлетки на косточке? В духовке стоят, ещё горячие.

– Ой, Аринка, про свиные котлетки лучше не говори! – Озирский скорчил рожу. – Где мясо покупала?

– В магазине, очень удачно талоны отоварила, – удивлённо

ответила Арина. – Тут, на Московском, недалеко. А что?

– Значит, действительно свинина, – успокоился Андрей. – Мы уж лучше побережём аппетит до дома. Севыч, объясни суть дела – у тебя лучше выйдет.

Грачёв коротко и ясно изложил те факты, о которых, с его точки зрения, должна была знать Арина. Дослушав до конца, она, словно проколотый воздушный шарик, обмякла и сморщилась.

– Вот это да! – Она даже закрыла лицо руками. – А что я могу? Я же ничего не знаю...

– К тебе же заходят дружки покойного мужа.

Озирский пошевелился на табуретке, и под столом что-то загремело.

– Банка упала, – определила Арина. – Ничего, я потом подниму.

Она смотрела на окно, закрытое клетчатыми занавесками с воланами.

– А чего ты от них хочешь? Уж этим-то Зураб точно не занимался.

– Я и не обвиняю их в этом, – поморщился Андрей. – Просто Ншан Тер-Микаэльянц может щипать таких продавцов. Дело же касается базаров, а он там – царь и бог. Всё-таки товарец – будь здоров, и надо иметь страховку. Разведает для меня?

Турчин удивился, что такая простая и приличная с виду женщина является вдовой преступника, но оставил эмоции

при себе. Арина ему нравилась, к тому же могла помочь в деле.

Яркий свет, заливающий шестиметровую кухню, раздражал и Грачёва, и Озирского. Арина налила себе в пиалку воды из глиняного кувшина и залпом выпила. Потом тронула кончиком языка тонкие, липкие от помады губы.

– Я, конечно, попробую узнать, только это очень сложно. Надо ведь не вызвать подозрений. Ншан удивится, с чего вдруг я заинтересовалась торговцами мясом.

– Ариша! – раздался вдруг из прихожей низкий женский голос. – Почему гости в комнату не заходят?

– Они спешат, мам! – чирикнула дочка. – Завернули ненадолго.

– Ну, смотри, чтобы не обиделись! – И Арина мать удалилась.

– Действительно, нам пора. Как-нибудь заскочу и посидим подольше. – Андрей встал. – Ншану скажи, что такие слухи по городу ходят, и ты боишься нарваться на человечину. Он чтит тебя как вдову своего друга и брата. Так что, думаю, не откажется помочь.

– Не сглазить бы! – Арина плюнула через плечо и постучала по подоконнику. – Матери передавай привет и поздравления – мы ведь с ней знакомы. Как дети?

– Нормально. – Озирский был не склонен говорить о своей семье. – Аринка, ты пойми – заворачивается такое дело, что каждая улика может стоить дорого. Постарайся выяснить

как можно больше, а я уж в долгу не останусь.

Арина не сдержалась, взяла руку Озирского в свои и стала ощупывать его ладонь, задерживаясь на шраме. Всеволод давно знал об их отношениях, да и Турчин уже догадался, что заставляет вдову бандита работать на милицию.

– Я понимаю, как рассуждают новые предприниматели, – продолжал Озирский. – Зачем горбиться, растить скотину, когда столько мяса шляется кругом, да ещё есть просит? Каждый день, или через два на третий будет погибать человек, совершенно осознанно предназначенный для съедения. Мне кажется, что они убивают не абы кого, а с разбором. Все кости мужские, как определили эксперты. На женщинах больше жиру, а часть мужчин занимается спортом, имеет развитую мускулатуру. Торговцам же мясо нужно...

– Андрей, прекрати! – Арина вся дрожала. – Мне сейчас худо будет!

– Смотри, не выкинь! – Озирский погладил её по голове. – Мне просто хочется тебе объяснить, какая опасность грозит людям из-за происходящего с этим мясом. Если друзья Зураба про этих дельцов знают, нам же станет легче. Ну, а на нет и суда нет...

Из-за стены вдруг раздалось мощное хоровое пение. Знакомый мотив заставил всех четверых разом обернуться направо, в сторону соседской квартиры. Хмельные мужские и женские голоса с упоением горланили «Интернационал».

Арина округлила свои узкие небольшие глаза.

– Это что-то новое! Наши соседи гуляют каждое воскресенье, но «Вставай, проклятьем заклеймённый!» я слышу от них впервые.

– Я их понимаю! – с тихой, но страшной яростью сказал Озирский. – Ничего другого на ум прийти и не может. Мы с ребятами видели, как к ним поднимались гости. На поминки и то идут более счастливые люди! Ладно, не будем портить тебе Новый год и раздражать родителей...

– Вы мне и так его испортили. Теперь ничего есть не смогу. Совсем недавно токсикоз прошёл, а тут это мясо, – упрекнула Арина. – Ладно, постараюсь добиться чего-нибудь от Ншана, но наверняка не обещаю.

– Счастья вам в Новом году! – Турчин поцеловал Арине руку. – Самое главное – благополучно стать мамой, а остальное приложится. Передайте извинения своим домашним и поздравьте их от нашего имени.

– Обязательно! – засмущалась Арина. – Спасибо большое!

Всеволод вышел в прихожую, Саша последовал за ним. Обоим показалось, что Арина с Андреем тайком поцеловались на кухне.

Когда все трое вернулись к машине, было ровно одиннадцать. Пустырь, кинотеатр, окрестные «хрущёвки» замерли под снегом, и половина окон домов оставалась тёмной. У Турчина в ушах так и звучал грозный хор, который теперь почему-то распадался на отдельные голоса, звенящие

и непримиримые. Саше стало неуютно, и очень захотелось поскорее оказаться дома.

– Едем сейчас на проспект Славы, – скомандовал Озирский. – Севыч, отсюда максимум десять минут на «тачке» до твоего дома. – Он подождал, пока спутники усядутся в машину. – Потом Сашку отвезу, и – к своим, праздновать. Надо нам всем передохнуть денька два. Первое действие пьесы окончено. Антракт до третьего января!

ГЛАВА 3

Как и предвидел Грачёв, Зинаида Фоминична Муравьёва оказалась хоть и интеллигентной с виду, но достаточно вздорной старухой. Она долго кобенилась, блестя толстыми линзами очков, не желала давать показания и описывать внешность торговца. До сих пор не поверила, что купила тогда не свинину, и во всём обвиняла невестку. В конце концов, она договорилась до того, что милиция спелась с Новеллой, и теперь они хотят довести пожилого человека до гроба.

Минцу пришлось выслушать историю о бесплодных попытках Муравьёвой получить знак «Житель блокадного Ленинграда». Он узнал, что Зинаида Фоминична по рождению москвичка. В город приехала только в сорок третьем году, как раз накануне снятия блокады. Для получения знака нужно прожить в осаде четыре месяца, а у неё выходит три с половиной. Но вот их соседка, по фамилии Заноха, сволочь такая, родилась в сентябре сорок третьего, до января сорок четвёртого набрала положенный срок. И теперь пользуется всеми льготами.

– Разве справедливо это, молодой человек? – патетически вопрошала Муравьёва. – Обо мне тогда даже в газетах писали. Ради героического города я родную столицу бросила! Моя фамилия в те годы была Шарина. Я работала на Победу, а теперь стою в общей очереди и плачу за проезд в об-

щественном транспорте! А эта гадина и не помнит ничего – только пелёнки тогда марала. А теперь передо мной нос задирает...

Далее Муравьёва перешла на воспоминания о нормах военного времени. Саша, не нажимая на свидетеля, плавно довёл разговор до позавчерашнего приключения на рынке. К тому времени из Зинаиды Фоминичны вышел весь полемический задор. Она удовлетворилась тем, что симпатичный парень, да к тому же ещё и культурный, с хорошими манерами и тихим, терпеливым голосом выслушивал её, не перебивая. Не то, что сын, невестка и внуки, которым бабка, надо сказать, порядком надоела!

На исходе второго часа беседы Муравьёва надела цигейковую шубу, шляпу из каракуля и важно спустилась по лестнице к машине. Минц был рад, что не взял шофёра – тот убил бы их обоих, и оказался прав. Зинаида Фоминична от самого проспекта Ударников до рынка без передыху болтала, всё больше чепуху. Но попадались в потоке слов и ценные зёрна информации.

Воображая, как с Муравьёвой побеседовал бы Грачёв, Минц уточнил:

- Какого возраста был продавец?
- Ну, лет под пятьдесят, – солидно отвечала бабуля.
- Одет как?

Минц жалел, что напялил дублёнку – в салоне при включённой печке было очень жарко.

– Как? – переспросила Зинаида Фоминична. – Да обычно – ушанка такая богатая, новая. Полушубок, фартук, на-рукавники. Да, у него есть такое противное родимое пятно под носом! – вспомнила старуха.

Они ехали мимо заснеженного парка, расположенного близ Шоссе Революции.

– Большое? – уточнил Минц.

– Не так большое, как неприятное. Как будто грязь он не вытер, – объяснила свидетельница. – Но мужчина при этом очень вежливо улыбался. У него две золотых коронки во рту, – прибавила она. – Вот, торгаши-то смолоду золото себе ставят, а мне всё никак. Уже и материал давно лежит – на свои кровные покупала. Так ведь не допросишься. Нахальства во мне мало, не вытребовала удостоверение участника войны...

– Извините, – мягко перебил Саша. – Родимое пятно, два золотых зуба... А какой у него цвет волос – шатен, брюнет, блондин? Цвет глаз не запомнили? Вот в таком ключе, что можете сказать?

– Он, кажется, рыжий, а глаза карие. Очень приветливый человек! – ещё раз подчеркнула Муравьёва. – Сейчас ведь уважения не дождёшься – каждый норовит нахамить. А этот такой приятный, даже ласковый. Кушайте, говорит, на здоровье!

Хотя рынок уже был закрыт, старуха довольно толково объяснила, где стоял тот торговец. Около ворот толкались

дядьки с протокольными рожами – они торговали водкой из-под полы. На месте происшествия Зинаида Фоминична вспомнила ещё, что, пока она раздумывала, покупать мясо или нет, торговцу поднесли ещё один поддон со свежей свиной. Он спросил того парня, получится ли у них торговать третьего числа. Парень ответил, что, наверное, товар ещё поступит.

– Значит, третьего он должен быть здесь? Правильно я понял? – обрадовался Минц.

– Говорю, что слышала! – Старуху опять что-то разозлило. – Парень, который с поддоном пришёл, сказал, что товар ещё будет.

– Парня-то не разглядели? – с надеждой спросил Саша, усаживая свидетельницу в машину.

– Нет. Только помню, что голос у него гнусавый, будто соплей в носу полно. Я же плохо вижу вдаль. Так что больше ничего не запомнила. Рядом с тем мужчиной ещё женщина торговала, в павлово-посадской шали. Хорошая шаль. Я давно хотела себе такую же приобрести...

Проводив Муравьёву до дверей квартиры и поздравив с наступающим Новым годом всё семейство, Минц спустился к машине, аккуратно разложил в «дипломате» папки с исписанными листами. Он не любил называть такие встречи допросами – от этого слова веяло чем-то враждебным, казённым. Потом достал зеркальце, причесался, осмотрел своё усталое лицо – разговор с бабулей даже его выбил из колеи.

Уже пошёл девятый час. Нужно было вернуться на Литейный, пересесть на свою машину, доехать до дома. Там Саше предстояло принять душ, переодеться и вместе со Львом Бернардовичем отправиться на Светлановский проспект. Кстати, Саша не хотел встречать Новый год у Софьи. Он договорился с Турчиным о пирушке вскладчину, но сестра закатила истерику. Она демонстративно капала корвалол в выхваченную из серванта хрустальную рюмку и предрекала, что братец её когда-нибудь угробит, как маму.

Кроме того, Софья заявила, что Саше следует срочно жениться. Он совсем спятил от личной неустроенности и вбил себе в голову, что родители ему не родные. На реплику о группе крови Софья не смогла ответить ничего вразумительного и только разрыдалась с новой силой. Саша же не верил, что усыновление ребёнка можно было скрыть от семнадцатилетней девушки. Просто они все договорились тогда, и вот уже тридцать второй год ломают комедию.

Справа мелькнула и пропала погружённая во мрак площадь Ленина перед Финляндским вокзалом. Теперь надо только проехать Литейный мост, сменить машины и поспешить на Шестнадцатую линию Васильевского острова.

Саша с ужасом признавался сам себе в том, что ему совсем не хочется домой, потому что там сидит чужой старик, который, в своём-то возрасте, постоянно врёт. Утверждает, что Кира Ивановна Николаева – родная Сашина мать. Почему-то про себя он молчит, уходит от ответа; но твёрдо заяв-

ляет, что Соня Саше сестра, а Юра – племянник. Да, они, конечно, с Юркой похожи, но подобрать младенца в роддоме ничего не стоит. Саша теперь, после осеннего разговора с Грачёвым, не верил льву Бернардовичу ни на йоту. Чужие, все чужие вокруг! А где свои? В Азербайджане?

Когда Саша вернулся из санатория и вышел на службу, Всеволод тут же подошёл к нему с фотографией в руках и спросил, узнаёт ли коллега это лицо. Минц был потрясён – со снимка смотрел он сам, но почему-то одетый в цветастую рубаху. Такой у него никогда не было, равно как и дорогушей золотой цепи на шее. Минц заподозрил розыгрыш и монтаж, но Грачёв объяснил дело иначе. Он сказал, что это – недавно погибший в разборке Али Мусаевич Мамедов, который едва не стал зятем Ювелира-Уссера. Они с Норой Келль, как и положено нежным влюблённым, умерли в один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.